ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 9(251) – 2017

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

О книге Эдуарда Анашкина "В.Г. Распутин"

У истока эпохи

Диана КАН

Стоит умереть великому человеку, как сразу появляются сотни друзей, возлюбленных, а то и внебрачных детей, которые взахлёб начинают вспоминать о нём… Причём, делают это не в узком кругу, но стараются по максимуму придать общественную гласность своим воспоминаниям.

Неслучайно, Анна Ахматова сказала, что есть такая посмертная казнь для писателя – воспоминания современников.

Причём, что важно заметить, при жизни великого человека эти люди почему-то предпочитали помалкивать, и лишь после его ухода, когда уже он не сможет оборвать их поток сомнительных откровений, их вдруг захлестнул мемуарный пыл.

Причём часто такие "откровения" имеют явную тенденцию не столько вспомнить великого человека, сколько показать себя, хороших, примазаться к славе покойного и хоть так обозначить бренное своё существование.

Частенько такие "мемуары" содержат и элементы дискредитации великого человека, ушедшего от нас… Потому к воспоминаниям современников и друзей я всегда отношусь настороженно. Особенно, если нет информации о том, что сам великий писатель при жизни считал того или иного мемуариста близким себе человеком.

Как говорится, у победы много отцов, а поражение – всегда сирота.

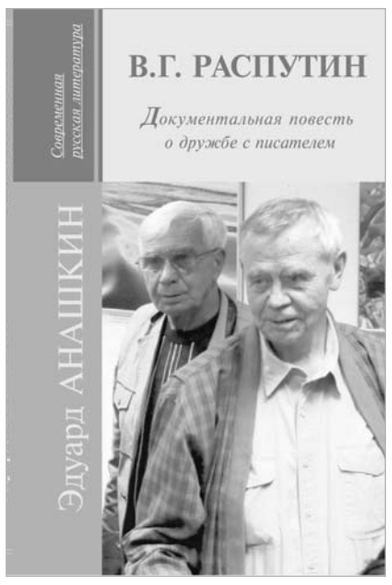
Стоит человеку стать известным, как у него вдруг появляется полным-полно "благодетелей", имён которых он не знал, когда нуждался в помощи и поддержке…

Эта книга, посвящённая великому русскому прозаику Валентину Распутину, стоит отчётливым особняком от вала воспоминаний о Распутине, что захлестнул Россию после смерти классика – воспоминаний часто весьма сомнительных, о чём, в частности, в одной из своих статей рассказывает единственный сын Валентина Распутина – Сергей Валентинович.

Эта книга другая. Она написана человеком, который знал Валентина Григорьевича задолго до того, как наш будущий классик издал свою первую книгу.

Сибирский волжанин Эдуард Константинович Анашкин, автор этой книги, познакомился с будущим классиком на ныне легендарном семинаре-совещании молодых писателей в Чите, где совсем молодой тогда Валя Распутин пообещал ещё более молодому на тот момент Эдику Анашкину подарить свою первую книгу… когда она у него появится.

Обещание своё, став классиком, Распутин сдержал десятилетия спустя. А все эти десятилетия, прошедшие с момента личного знакомства, Эдуард Константинович внимательно следил за талантливым писателем, собирал материалы о нём, книги Распутина и, можно сказать, не афишируя нигде свою внимательность к жизни и судьбе входящего в известность прозаика, фактически посвятил Распутину многие десятилетия жизни. Сколько помню, Эдуард Константинович никогда не называл свои отношения с Распутиным дружбой.



Он настолько боготворил Распутина, что, видимо, нелегко было ему применить это слово, подразумевающее некое равенство сторон, – к Валентину Григорьевичу.

*Н*о между тем они были друзьями. Не только потому, что периодически перезванивались и встречались. И не только потому, что по личному приглашению Валентина Григорьевича Эдуард Анашкин побывал на замечательном Всероссийском литературном празднике "Сияние России" в Иркутске, ставшем Распутину родиной.

И не только потому, что почти каждую свою книгу Распутин присылал Анашкину, что становилось для последнего целым событием жизни.

А потому, что когда Распутину было печально, он звонил Анашкину. Так одним из первых Эдуард Константинович узнал от нашего классика страшную новость о скоропостижной смерти издателя распутинских книг – Геннадия Сапронова.

Последующую череду смертей любимых распутинских женщин – дочери и жены – автор этой книги воспринял, как трагедию личную…

Но главное – главное в том, что все эти десятилетия Эдуард Константинович фактически создал на дому творческий распутинский музей!

И видимо, настолько уже даже москвичи знали об этом, что даже не только писатели, но и скульпторы старались пополнить экспозицию.

Так у Эдуарда Константиновича появился бюст Валентина Распутина, подаренный известным московским скульптором. Этот бюст пропутешествовал с оказией через всё Поволжье, будучи вручён скульптором в Москве профессору филологии из Тольятти.

А уж она бережно довезла его и вручила Эдуарду Константиновичу столь весомый во всех отношениях дар. Однако дар этот, как ни жаль было с ним расстаться, Анашкин решил подарить музею Распутина в Иркутске, уже после смерти классика.

И снова распутинский бюст-путешественник поколесил по дорогам необъятной России, на сей раз уже в сопровождении Эдуарда Анашкина…

Это лишь одна из множества историй жизни автора этой книги, связанная с распутинской темой.

Валентин Григорьевич чувствовал душевное отношение к нему Эдуарда Константиновича.

Неслучайно, в канун одного из распутинских юбилеев, когда я позвонила Эдуарду Анашкину узнать, как у него дела, он был почти счастлив, сказав:

"Мне вчера звонил Валентин Григорьевич. Попросил написать о том семинаре молодых литераторов в Чите, где мы с ним, собственно, и познакомились…".

Я спросила:

"И как же ты, Эдуард Константинович, будешь писать о том, что было почти полвека назад? Разве упомнишь?".

Он как бы даже и обиделся:

"Да что ты! Я помню этот семинар, словно вчера всё было, а что не помню, у меня в дневнике записано, я же всю жизнь веду дневник… Для меня такая радость, что Валентин Григорьевич помнит об этом семинаре, собственно, открывшем его, как писателя".

Также Анашкин был счастлив, когда Валентин Григорьевич сам вызвался написать предисловие к его книге "Запрягу судьбу я в санки" о детдомовском сиротливом детстве…

А для меня радость, что эта книга о Распутине выходит в свет. Зная Анашкина, как человека дотошного, не склонного впадать в художественный вымысел там, где этот вымысел не нужен, могу сказать, что это очень точная книга.

И в этом её главное достоинство.

Это книга именно о Распутине по принципу "Тут не прибавить, не убавить – так это было на земле".

Это книга о человеке, ставшем эпохой русской литературы.

И Эдуард Константинович счастливый, что ни говори, человек, потому что стоял у истоков этой эпохи.

О новом романе Михаила Попова "На кресах всходних"

Эпос плюс триллер

Ирина БАЙРАК

*Н*азвание романа Михаила Попова "На кресах всходних" дано по-польски и его лучше не переводить на русский язык, получится "на восточных рубежах", что неверно сориентирует читателя географически. События книги развиваются не на Дальнем Востоке, а в Западной Белоруссии, на землях, которые поляки считают восточной оконечностью своего культурно-политического ареала.

Время действия ограничено достаточно точно – 1908 год (в ссылку на кресы прибывают два отставных петербургских студента) – 1944, в Далибукской (Налибокской) пуще гибнет в полном составе партизанский отряд "имени Ленинского Комсомола".

Автор в процессе написания этого довольно объёмного сочинения решает две, чуть ли не противоположные по своему идейному наполнению задачи. Он проводит практически одновременно "мысль народную" и "мысль государственную", и в кульминационный момент их сталкивает, высекая пламя, в котором сгорает финал романа. Объясню подробнее, как я это понимаю.

Если временно вынести за скобки сюжета первую главу, играющую роль композиционной скрепы, предназначенной сцепить воедино две повествовательных линии, действие происходит в глухой белорусской деревне, затерянной в глубине огромной диковатой пущи, на отшибе большой жизни. Деревня зовётся Порхневичи, то же имя носит и самое сильное и большое семейство из проживающих там.

Порхневичи не просто крестьяне, они

легендарно, а может и реально связаны с местной польской шляхтой. Вся проблема в том, что нет документальных подтверждений этих претензий на шляхетство.

Порхневичи фактически правители окружающих земель, прочие крестьяне находятся от них в экономической и, если можно так выразиться, политической зависимости не одно десятилетие и при всех властях, что очень убедительно показано в романе.

Ромуальда Севериновича Порхневича так и хочется назвать главой семейного мафиозного клана, если бы только это не выглядело смехотворным в описываемой хвойно-болотистой обстановке. Порхневичи пользуются значительно большим влиянием, чем расположившееся в соседнем населенном пункте – Дворце – русское дворянское семейство Турчаниновых, получившее во владение старый польский маенток ещё в 1860-е годы по итогам знаменитой Сенатской люстрации польской шляхты, прошедшей после восстания 1863 года.

Ромуальд Северинович носится с идеей выкупить имение, потому что хозяйственная никчемность русских бар совершенно очевидна. Они никак не укоренились на местной почве. Их не признаёт и местная польская католическая знать. Впрочем, она не очень-то признаёт и Порхневичей, но частично мирится с их существованием.

Совместное, перемежающееся, переплетающееся действие этих трёх сил – польской, русской и порхневической очень живо, подробно и убедительно показано в первой части романа. Одновременно развивается и большая политическая история, отбрасывая время от времени свою тень на жизнь захолустной деревеньки. Первая мировая, революция, советско-польская война, жизнь под польской "владой". Пытаясь запугать Турчаниновых и заставить их продать ему остатки имения, Ромуальд Северинович инспирирует крестьянские волнения, которые перерастают в настоящий бунт.

Имение разгромлено, помещик убит, дети его тоже, кроме одного сына.

Подрастают сыновья и у Порхневича, второй по счету Витольд воплощает в себе надежды отца. Он побывает и в Петербурге, потом отправится в Польшу "на стажировку" в имение пана Суханека, в свою очередь претендующего на Дворец.

Витольд женится на дочери Суханека Гражине, но жить вернется в Порхневичи.

Начало второй мировой войны. Вступление советских войск на кресы. Начало Великой Отечественной – вступление немецких войск в Белоруссию. Возглавивший к этому времени семейство Витольд Ромуальдович мечется, надеясь защитить и семейство, да и остальных жителей деревни, которых он воспринимает как не совсем чуждых ему людей, всё же он чувствуя какую-то за них ответственность.

Эти страницы написаны очень убедительно.

И вообще, на мой взгляд, лучшие места романа, это описание народной деревенской жизни. Автор демонстрирует глубокое погружение в атмосферу заброшенной деревни, даёт картины её онтологического существования, соприкосновения с большим миром.

В романе много персонажей, большинству из них уделяется совсем немного "экранного" времени, но создаются выразительные, поразительно живые портреты.

Именно в эти моменты становится внятна концепция автора: болезненного несоответствия народной, природной жизни, её существования в своём, почти фольклорном времени, и потока исторической жизни, направляемого из столиц, рождающегося из биения идей.

Историческая жизнь враждебна природной.

Витольд Ромуальдович в попытках охранить Порхневичи пытается то стать старостой, то "силою вещей", становится командиром партизанского отряда. Но довольно странного отряда, целью которого является не столько борьба с немецкими оккупантами, сколько сбережение деревенского народа в лесу, куда они все ушли, спасаясь из подожженной немецкими карателями деревни.

В конце концов, партизанская советская бригада навязывает Витольду свою волю, но он всеё равно добивается для себя права на свободный маневр, если в этом есть необходимость. Его отряд на особом счету и с этим партизанское командование вынуждено мириться.

Автор благоразумно сокращает до минимума описание батальных сцен, всё же для таких описаний потребен какой-никакой личный боевой опыт, но всё равно общее положение партизанских дел читателю вполне внятно.

И вот на дворе 1944 год. Четвертая часть романа. Канун операции "Багратион", и первые недели её проведения. Вступает в активное действие вторая повествовательная линия, до того проявлявшаяся лишь в первых главах предыдущих трёх частей.

Перед нами довольно странный персонаж, можно сказать мародёр-убийца. Он в составе "бригады" таких же как он, если не ещё худших, негодяев разъезжает по тылам 44 армии и в прифронтовой полосе грабит местных жителей, с помощью пыток заставляя их выдавать тайники с добром, припасённым на чёрный день.

Возглавляет эту деятельность интендант армии, к которому и стекается награбленное имущество. Но военной прокуратуре удаётся раскрыть эту жуткую преступную группу, большую часть бандитов в погонах арестовывают.

Но один ускользает. Переходит линию фронта, что ему как бывшему полковому разведчику вполне по силам, и присоединяется к отряду Порхневича.

Очень скоро становится понятно, что он стремился туда не случайно, это выживший сын графа Турчанинова, украденный из имения командой дезертиров, что поджигали Дворец в 1918 году. Он выжил, прошёл через беспризорничество, был взят на воспитание в школу юнг, там в нём пробудились заложенные в родительском доме основы воспитания, и он мысленно устремился "на родину". На фронте ему довелось послужить в штрафбате, хлебнуть и мурцовки покруче, и вот он в партизанском отряде, где узнаёт историю того, что случилось в 1918 году. Но не только это, но и то, что до сих пор жива его мать. Она тоже тогда выжила, но подвинулась разумом и живёт до сих пор при Дворце в роли полубезумной бессловесной прачки.

Местный священник рассказывает молодому "графу", историю давних событий.

Близится кульминация и развязка. Чтобы не лишать удовольствия тех, кто возьмётся прочитать книгу, не будем рассказывать всего. Скажем только, что в этот решающий момент в Пуще сталкиваются силы самого разного происхождения: партизаны Армии Крайовой, немецкий карательный батальон, партизаны Порхневича; завязывается впечатляющий узел.

И главным действующим лицом становится молодой "граф". Он проводник "мысли государственной" в этом романе. Объективно говоря, персонаж он, безусловно, отрицательный. Руки по локоть в крови. Но тут приходится учитывать целый ряд привходящих обстоятельств.

Во-первых, то, что в сравнении с прочими бандитами, что потом пойманы военной прокуратурой, он всё же не такой мясник и избегает всяческой кровавой грязи.

Во-вторых, мать, эта неожиданная встреча (он был уверен, что она тоже погибла) надрывает душу.

В-третьих, история гибели остальных родственников под "народными топорами" жителей Порхневичей. Как минимум, "граф" фигура трагическая, и его действия, если не оправданы полностью, то, по крайней мере, понятны. Тем более что он в последний момент действует не как мстительный палач, но как исполнитель государственной воли.

Известная фраза о патриотизме как прибежище негодяев оборачивается неожиданной стороной – патриотизм выступает настолько очищенным, что способен облагородить своим сиянием даже поступки очевидного кровавого негодяя.

*М*ожно встать на сторону автора, можно с ним не согласиться. Сильным моментом романа мне представляется именно то, что однозначного вывода здесь нет, и автор его даже не ищет, не говоря уж о том, чтобы его навязывать.

У него нет цели перевести графа обязательно и непременно в разряд положительных персонажей, хотя тот отдаёт свою жизнь ради того, чтобы выполнить приказ командования относительно указанного партизанского отряда.

Витольд Ромуальдович Порхневич тоже фигура трагическая, у него руки тоже обагрены кровью не только немецких захватчиков, но и пленного красноармейца, он всю жизнь положил на то, чтобы спасти свое "племя", но это ему не удалось, погибают почти все.

Таким образом, две повествовательные линии сходятся в пункте кульминации и исчерпывают друг друга в развязке. Роман начинается как триллер – первая глава; продолжается как эпос, и завершается опять как триллер. Кому-то, возможно, такая сюжетная схема покажется немного искусственной, да и сам образ графа-разведчика слегка надуманным.

Мне кажется, что повод для такого рода читательских сомнений отчасти есть. В какой-то момент становятся заметны усилия автора по сближению этих двух линий. Он умело маскирует эти усилия, но всё же не конца преуспевает в этом деле.

Впрочем, мне известны читатели этого романа, у которых конструкция сюжета не вызвала никаких вопросов.

Надобно сказать несколько слов ещё о двух линиях, составляющих повествовательное тело романа. Это линии любовные. Война войной, но человеческие чувства никто не отменял. Здесь тоже всё непросто, как оно и бывает в жизни. Витольд Ромуальдович любил Оксану Лавриновну, мать Мирона, который в свою очередь претендует на дочь Витольда Ромуальдовича Янину.

Узел весьма плотный, который развязать не представляется возможным, и жизни приходится его рубить. В какой-то момент начинает казаться, что Мирон собственно и является сыном Витольда, но, слава Богу, автор избегает этой пошлой сюжетной ловушки, иначе сюжетная коллизия стала бы скатываться к чему-то похожему на латиноамериканский сериал. Оксана Лавриновна была замужем за Иваном Сахонем – по-своему замечательный образ. Он, надо понимать, женился на Оксане уже на беременной и Мирон не его сын тоже, именно поэтому он сравнительно легко расстается с семейством, где его ничто кровно родственное не держит, и бежит за океан ещё до начала войны.

Любовные перипетии описаны весьма скупо, автор избегает развёрнутых и многословных сцен, вся его работа направлена на то, чтобы поддерживать напряжённую таинственность, что представляется мне совершенно адекватной сюжетной стратегией.

И кроме этих двух больших историй в романе хватает сцен, в которых поразному – и смешно и драматически – складываются отношениях между представителями разных полов.

Ещё один запоминающийся образ, проходящий собственно через весь роман, – Николай Адамович Порхневич, белорусский националист; именно он помог юному Витольду вернуться из чужого ему Санкт-Петербурга в начале романа, а потом учительствовал в польской школе, которую посещали все молодые Порхневичи.

Это просветитель, собиратель народной белорусской культуры, так же по-своему придавленный "панующей на кресах польскостью" и пытающийся выбраться из-под глыб этого влияния. Фигура драматическая, но поданная автором отчасти в иронической тональности.

Хотя не надо думать, что тут ироническое отношение к идее белорусской государственности как таковой.

*К*стати, впечатляющи сцены всебелорусского националистического съезда в Минске, дозволенного немецкой властью уже в тот момент, когда вовсю разворачивается операция "Багратион" и уже всем понимающим людям совершенно ясно, какое стратегическое изменение претерпит ситуация на фронтах. "Сговорчивость" немцев носит явно издевательский характер, но многие националистические силы принимают позволение немцем созвать съезд за чистую монету.

Делегаты съезжаются не только с территорий подконтрольных немецкой армии, но и из Европы, и даже из русских областей. И в итоговом документе – уже пушки Рокоссовского слышны на окраинах Минска! – специально оговаривается вопрос о территориальных претензиях белорусского национального съезда. В состав будущего государства должны войта не только привычные губернии, но и земли Смоленщины, Брянщины и так далее. Националистическое опьянение вещь удивительная, позволяющая совершенно игнорировать обстоятельства подлинной реальности.

Отдельно и специально надо сказать о языке этого романа. Он на удивление пластичен и образен. Картины деревенского быта и воинской партизанской жизни встают перед глазами как живые.

Особенно автору удаётся лепка портретов-характеров, по большей части ему бывает достаточно нескольких слов, максимум предложений – и перед нами уже живой человек, с собственным характером, со своими привычками.

Казалось бы, о партизанском движении писалось у нас немало, и писалось большими мастерами, но совершенно очевидно, что перед нами особенное, можно сказать неожиданное слово о тех драматических событиях, что произошли в первой половине двадцатого века на территории Западной Белоруссии, именуемой в польской традиции восточными рубежами.

О фольклорном "белом шуме"

Смех сквозь слёзы

Владимир ВИННИКОВ

*И*звестные слова Гоголя: "Часто сквозь видимый миру смех льются невидимые миру слёзы", – почему-то (почему?) неприметно-"историческим" образом заменились на противоположные по смыслу: "смех сквозь слёзы".

Так мы плачем или смеёмся?

У каждого из представленных ниже стихотворений есть свой автор, но известен только его "никнейм" в интернете. Известны и жанры "сетевой поэзии", в которых они написаны: "пирожки", "порошки" и тому подобное. В условиях "клинической смерти" современной поэзии, придавленной глобальным постмодернизмом с уничтожением каких-либо этических и эстетических рамок художественного творчества, эти краткие нерифмованные, без знаков пунктуации, но написанные в классической силлабо-тонике "белые" стихи можно рассматривать в качестве своего рода фольклорного "белого шума", той реальной образно-смысловой среды, в которой существует современное российское общество.

Что же это за среда, каковы её основные характеристики?

Прежде всего, она чрезвычайно атомизирована, любые "вертикальные" – да и "горизонтальные", да и любые другие – связи между людьми здесь не только отсутствуют, но и рассматриваются как нежелательные:

– привет
– здорово
– правду будешь?
– спасибо у меня своя

ты знаешь правда как наркотик
храни её лишь для себя
когда её распространяешь
то ты проблема для людей

на вашем месте я бы точно
а на своём пожалуй нет

а я вам что ли нанимался
надежды что ли подавать

Даже иносказательно:
нашла второй носок на кухне
он затаившись под столом
пытался жизнь начать сначала
свободный одинокий злой

Позиция "Я и весь этот мир" является доминирующей:

зевну укроюсь с головою
будильник заведу на март

проверил уровень комфорта
нахмурил брови и долил
себе ещё немного чаю
и пододвинул трёх котов

не слушай внутренний свой голос
он тут снаружи не бывал

евгений для своей зеркалки
купил огромный субъектив
он всё фиксирует предвзято
и искажает бытие

Поэтому агрессивность, в том числе – вербальная, в этой среде рассматривается как нечто неизбежное и должное:

я не хотела вас обидеть
случайно просто повезло

поскольку времени немного
я вкратце матом объясню

любимый взял меня за локоть
подвёл к окну и показал
всё то чего я не увижу
вовеки если не заткнусь

обидеть таню может каждый
не каждый может убежать

хотел вас встретить
хлебом солью
да хлеб в берданку не впихнёшь

весь мир насилья мы разрушим
до основанья а потом
построим новый мир насилья
но лучше прежнего стократ

Впрочем, агрессия в данном случае – всего лишь форма защиты от бессмыслицы окружающего мира:

с тех пор как выучил морзянку
я не могу уснуть под дождь

чем меньше женщину мы любим
тем хуже борщ и жиже квас
и дети как-то не похожи на нас

прекрасное далёко ваше
на деле полное давно

Любовь в этой среде может выглядеть по-разному, но она тоже бессмысленна и безнадёжна:

скорей ныряй в мой тихий омут
ты нравишься моим чертям

две параллельные прямые
живут в эвклидовом мирке
и бегают пересекаться
в мир лобачевского тайком

когда являешься козою,
любовь не очень-то и зла

включаю плёнку задним ходом
и всё стараюсь рассмотреть
момент где мерзкая скотина
опять становится тобой

мои намеренья прекрасны
пойдёмте тут недалеко

Как и жизнь в целом:
здесь трудно что либо исправить
но есть возможность доломать

всем кто окончил школу жизни
вручают мраморный диплом

вот там в гробу лежит принцесса
а в этих трёх её шмотьё

сиюминутные порывы
нередко штопаешь всю жизнь

я знаю будущего нету
иначе бы давным давно
оттуда повалили люди
в надежде что то изменить

сперва жена моя сбежала
потом собака и коты
сейчас смотрю
как трудно рыбкам
аквариум толкать к дверям

Чего уж тут придираться "по мелочам"?

вот позитивный Анатолий
был послан нафиг но сумел
вернуться бодрым отдохнувшим
и два магнитика привез

всегда стремится анатолий
уравновесить зло добром
увидел парни бьют мальчишку
красиво рядом станцевал

шаман за скверную погоду
недавно в бубен получил

а где тут руль спросил Гагарин
деревня буркнул королёв
ещё спроси а где тут вожжи
ещё поехали скажи

какое низкое коварство
убить ежа и спрятать труп
а всем свистеть
что был в театре
и что большой уже не тот

вести приличный образ жизни
мешает айнанэ в крови

характер у меня тяжёлый
всё потому что золотой

не влезаю в платье
испытала стресс
прикупила тортик
тортик сука влез

бог создал труд и обезьяну
чтоб получился человек
а вот пингвина он не трогал
тот сразу вышел хорошо

В общем, "всё не так, ребята!", как пел во времена "застоя" Владимир Высоцкий. Хотя, если не задумываться, а читать эти шедевры (шедевры без кавычек) "под настроение" и "под ситуацию" – можно насмеяться буквально до упаду. Но это вот массовое, идущее "снизу" и всесторонне чётко оформленное неприятие "того, что есть", – имеющие уши да слышат.

Тем более, что исходит оно из не менее чёткого понимания того, "как надо" – впрочем, поданного с теми же иронией и сарказмом:

невыносимых повыносим
непобедимых победим
снесём несносных
несъедобных съедим

привет пишу тебе из детства
мне тут сказали что ты там
забыл про смысл
и изменяешь мечтам

в день пушкина
все в бакенбардах
все с нянями из кружек пьют
купаются на чорной речке
и бьют дантесов по мордам